

Глава 11. Метка

Сюй Мяо очнулся, сполз с Гу Шэня и закурил.

Не успела его рука отодвинуться, как тот уже нашёл себе удобную позу — свернулся калачиком прямо у его бока. Отчасти в этом была заслуга наручников: деться было некуда. Но Сюй Мяо всё равно почувствовал, как что-то тёплое шевельнулось внутри.

Он коснулся чёлки. Пот от боли насквозь пропитал волосы.

Рука скользнула ниже — и наткнулась на что-то влажное. Уголок глаза.

Слёзы.

«Ты же такой терпеливый человек. Какой должна быть боль, чтобы тебя довести до этого?»

Сердце сжалось. Даже у него, у золотого волка без сердца и совести, в эту минуту болело.

Дым тянулся кверху лениво и неспешно. Огонёк сигареты то вспыхивал, то угасал. Сюй Мяо прищурился сквозь дымку, глядя на Гу Шэня с беспомощным, каким-то растерянным выражением.

Красивый. Ну до чего красивый, когда спит.

Почему он раньше этого не замечал, когда они ночевали вместе? Или просто всё время думал о том, как бы его пнуть с кровати?

«Дурак был совсем...»

Сюй Мяо выдохнул дым и уставился в темноту за окном.

Вспомнился далёкий вечер — он был совсем маленьким. Днём что-то пошло не так, что-то обидело его, и к ночи он, весь взъерошенный и злой на самого себя, потащился к дому Гу Шэня. Придумал какой-то нелепый предлог — неважно какой, лишь бы оказаться рядом.

И тогда впервые увидел его с распущенными волосами.

Обычно тот укладывал их гелем — деловой стиль, безупречный. А тут: белая футболка, серые шорты, волосы просто так, мягкие. Открыл дверь с немного растерянным видом, серьёзно выслушал весь бредовый предлог — и в маленьком чёрном сердце Сюй Мяо что-то немедленно щёлкнуло.

«Хочу его дразнить. Хочу вплести ему в волосы красный цветок и смотреть, как он злится».

Пятнадцать лет разницы. Холодный характер, скверный нрав. И всё равно.

Теперь, оглядываясь назад, Сюй Мяо понимал: он влюбился тогда же. Просто ещё не знал об этом.

«Говорят, Гу Шэнь ждал, пока я вырасту. Нет — это я сам ждал, пока вырасту достаточно, чтобы его сожрать».

Мысль была тёплой и самодовольной. Сигарета — нет.

Огонёк добрался до пальцев и укусил. Сюй Мяо взвыл, мечтательный облик рассыпался вдребезги. Он принялся лихорадочно хлопать по одеялу — только бы не прожечь, — с высунутым языком и скошенными к носу глазами. И тут заметил, что один беглец ещё никуда не делся: пепел парил в воздухе неторопливо, почти издевательски — и мягко лёг прямо на живот Гу Шэня.

Сюй Мяо торопливо смахнул его ладонью.

Ладонь осталась лежать.

Тёплая кожа. Взгляд задержался.

Он начал рассматривать узор проклятия, расцветавший на животе Гу Шэня. Что-то похожее на глаз. Это он знал. Не от Исполнителей — своё, зверячье. Вложил в ладонь чуть энергии, и узор отозвался фиолетовым свечением: резонанс, какой бывает между однородными силами. Исполнитель такого оставить не мог.

Кто же тогда?..

В звериной форме у него были чуткие подушечки лап — шершавые, но невероятно чувствительные. Когда они коснулись кожи, у Сюй Мяо снова поехала крыша. Он мысленно дал себе подзатыльник, убрал руку, покачал головой — и потянул рубашку Гу Шэня вниз. Потянул, зачесалось. Тогда решил застегнуть её как следует, пуговицу за пуговицей.

Вышло странно.

Он ощутил себя тем самым Чудовищем из сказки — пуговицы будто уменьшились втрое, пальцы их не слушались. Долго ломал голову, пока не дошло: руки дрожат, и когти ещё не убрались до конца.

Он медленно принял человеческий облик. Человеческими руками, аккуратно и неторопливо, застегнул каждую пуговицу. Смотрел на спящего с тем редким выражением, которое почти никогда не появлялось на его лице. Не высокомерие. Не насмешка. Не привычное «мне на всё плевать».

Нежность.

Потом накрыл одеялом — плотнее. Кондиционер оставил выключенным: вдруг замёрзнет. Достал с полки ватное одеяло и укутал им, не пожалев.

К этому моменту в голове наконец всё сложилось.

Гу Шэнь — его. Нравится ему это или нет — Сюй Мяо уже решил. Он будет его защищать. А значит, нужно разобраться с этим проклятием: откуда на Исполнителе метка зловещего существа? Смешнее не придумаешь. И главное — судя по словам самого Гу Шэня, тот понятия об этом не имел. Но этого не может быть: Гу Шэнь прекрасно знает язык и символику звероловцев. Как он мог не распознать?

Его провели. Кто-то специально его провёл.

Сюй Мяо злился, ворочался, не мог заснуть. Под утро сквозь шторы просочился первый бледный свет. Он сдался, сел.

Всю ночь на нервах — лицо соответствующее. Он провёл ладонью по щеке, чтобы немного прийти в себя, — и замер.

На руке что-то было.

Сюй Мяо посмотрел — и внутри рвануло.

Родовая метка.

Универсальный знак звероловцев: круг, внутри — треугольник. «Этот человек — мой».

Когда? Кто?! Кто посмел его пометить?!

Цивилизация зловещих существ старше АБО на много веков. В те времена, когда не было ни феромонов, ни желёз, эти древние, первобытные создания метили своих такой вот штукой — чтобы все знали: не трогать, это моё. К метке, как правило, прилагалось проклятие: у звероловцев тоже есть периоды гона, и если в такой момент помеченный оказывался рядом не с тем, кто метку поставил, — его корчило от боли и жгло изнутри одновременно. Послание недвусмысленное: иди домой, к своему самцу.

А если посторонний всё же не унимался — сам получал метку. Без болевого эффекта, зато несмываемую. Клеймо позора: ты забрал чужое — носи это до конца дней.

Твою мать, мелькнуло у Сюй Мяо — и вслед за унижением пришла ярость.

Кто? Когда?

Спортзал? Баскетбол? Та приторная сволочь-демон?

Ничего. Пусто.

Он давил, нащупывал — память будто нарочно выскальзывала. Потом Гу Шэнь тихо заскулил во сне. И в тот же миг в голове что-то щёлкнуло.

Сюй Мяо резко обернулся. Сорвал одеяло. Рванул рубашку.

Метка изменилась. С тех пор как он видел её последний раз, она обросла новыми линиями, стала сложнее, богаче, иной. Он смотрел на неё — и понимал: это завершённое, полноценное Проклятие любви. Потом медленно посмотрел на собственную руку.

В голове звенело.

Гу Шэня кто-то пометил.

<http://bllate.org/book/19800/2038523>